

Виталий Масненко

(Черкаський національний університет
імені Богдана Хмельницького, Україна)

Мифологема «братских народов» как идеальная модель русско-украинских отношений в советской/российской историографии

Введение

Исследования проблемы советских исторических мифов, относящихся к этнонациональной сфере, имеет свою историографическую традицию, которая была заложена еще представителями западной советологии. Особый интерес представляют труды, в которых при изучении советской идеологии выделялся такой ее основополагающий сегмент, как официальная политика памяти (историческая политика)¹. В последние годы усилился интерес украинских и российских историков к исследованию исторической ретроспекции отношений между двумя народами, особенно в контексте гуманитарной составляющей политических режимов, в которых они существовали (Российская империя, СССР)². Определенные аспекты теми нашли

---

¹ Для примера см.: Lowel R. Tillet, *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969); Nancy W. Heer, *Politics and History in the Soviet Union* (Cambridge, Mass.–London: MIT Press, 1971); Yuri Slezkine, “The USSR as a Communal Apartment, or, How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism”, *Slavic Review* 53(2) (1994): 414–452; Terry Martin, *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca–London: Cornell University Press, 2001); David Brandenberger, *National bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Massachusetts–London: Harvard University Press Cambridge, 2002).

² Stephen Velychenko, *Shaping identity in Eastern Europe and Russia: Soviet-Russian and Polish accounts of Ukrainian history, 1914–1991* (New York: St. Martin's Press, 1993); Serhy Yekelchuk, *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination* (Toronto–Buffalo–London: University of Toronto Press, 2004); Віктор Даниленко et al., *Україна і Росія в історичній ретроспективі: Радянський проект для України* (Київ: Наукова думка, 2004).

отображение в общих историографических обзорах развития украинской и российской исторической науки в советское время³. Современные российские историки также предлагают свое видение различных механизмов создания системы российских исторических мифов⁴. Не представляется возможным упустить из виду и новую монографию Андреаса Каппелера, в которой анализ истории российско-украинских отношений, включая их мифологическую составляющую, сопровождается соответствующей историографической рефлексией⁵.

Настоящее исследование рассматривает исторический миф об общих национальных истоках русских и украинцев («братстве народов») как один из механизмов концептуализации советской/российской историографии. При этом особое внимание обращено на социально-политический контекст конструирования исторического нарратива, пригодного для формирования различных идентичностей, как национальных, так и великодержавных (имперских). Амбивалентная сущность «братской» мифологемы особенно ярко проявлялась на различных этапах ее трансформации, в условиях ее переноса («экспорта») в новую политическую реальность.

Перинатальный период. В плену мифологемы о «едином народе»

Миф о «братских народах» является продуктом современной эпохи, однако его корни уходят в средневековые сентенции о родстве и представления о происхождении от общего предка, которые берут начало еще в библейской традиции⁶. Однако именно в модерное время эта мифологема получила свой совершенный облик, что способствовало активной

³ Віталій Яремчук, *Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби* (Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія» 2009); Геннадий Бордюгов, Владимир Бахараев, «Национальная историческая мысль в условиях советского времени», в *Национальные истории в советском и после-советском государствах*, (Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003), 21–72; Галина Алексеева, *Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века)* (Москва: Институт российской истории РАН, 2003).

⁴ «Русские сказки. Российский историк Татьяна Таирова-Яковлева объясняет главные мифы России», *Новое время* 22 (2017, 16 июля), <http://magazine.nv.ua/article/post/59776-russkiye-skazky>, доступ: 11 VII 2018.

⁵ Andreas Kappeler, *Ungleiche Brüder: Russen und Ukrainer vom Mittelalter bis zur Gegenwart* (München: C.H.Beck, 2017), 267.

⁶ Детально см.: Александр Мыльников, *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. 2-е изд.* (Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000), 21–44.

общественной артикуляции, направленной на ее внедрение в массовую коллективную память.

В нашем случае конструкт «братских народов» в отношении русских и украинцев начал выстраиваться в пространстве нескольких параллельных интеллектуальных традиций. Среди коих обратим внимание, прежде всего, на официальную идеологию Российской империи первой трети XIX в. – концепцию официальной народности «православие–самодержавие–народность».

Однако при этом важно учитывать еще более раннюю традицию, заложенную, к слову, представителями именно украинской интеллектуальной среды. Речь идет об истории нераздельного «славено-российского» («российского», «православно-российского») народа и его государства – «России», которая начинается в докиевские времена, проходит через эпоху Киевской Руси, эстафету от которой принимает Московское княжество/царство, изложенной в «Синописе» (первая публикация – 1674 г., последняя – 1836 г.) киевского автора, вероятно архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля⁷. Идеологическое обоснование концепции «триединой» нации было в значительной мере также осуществлено выходцами из Гетманщины, которые стали соавторами идеологии Российской империи во времена Петра I. Речь идет, прежде всего, о Феофане Прокоповиче и Стефане Яворском⁸.

Конструкт же «официальной народности» появился как некая антитеза к европейскому революционному лозунгу конца XVIII в. – «Свобода. Равенство. Братство»⁹. Семантическая нагрузка имперской формулы, значение ее отдельных составляющих позволяют глубже понять их социальную аксиологию. Сам автор граф Сергей Уваров очевидно склонялся к равнозначному прочтению их значения. Свое понимание народности он формулировал как некую константную первооснову консолидации имперского пространства: «Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный

⁷ Современные русские исследователи признают определяющее значение этого текста для формирования концептуальных основ русского историописания. Так, в частности, Алексей Миллер считает, что «Именно «Синописис» лежит у истоков Русского Исторического Нарратива» – см.: Алексей Миллер, *Украинский вопрос в Российской империи* (Киев: Laurus, 2013), 41.

⁸ Детально см.: Юрий Самарин, *Сочинения*, т. 5, *Стефан Яворский и Феофан Прокопович* (Москва: Д. Самарин, 1880), XCII, 463 [1].

⁹ Андрей Зорин, «Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции», *Новое литературное обозрение* 26 (1996): 86–87, 92–101; Ричард Вортман, ««Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века», в *РОССИЯ / RUSSIA*, вып. 3 (11): *Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII–начало XX века* (Москва: ОГИ, 1999), 233–244.

вид свой по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию»¹⁰.

Однако анализ реального имперского дискурса побуждает признать правомерность соображений тех исследователей, кои считают, что основоположным консолидирующим элементом в официальной триаде все-таки было не этническое начало, а конфессиональное – православие. Так еще Ладис Кристоф точно подметил: «Православная идея, а не русский язык или цивилизация, были *spiritus movens* царизма. Российская империя, прежде всего, была священной, а не русской»¹¹. Это наблюдение объясняет меньший интерес к этническому происхождению (генеалогии) подданных империи, нежели к их вероисповеданию.

Тем не менее «официальная народность» предполагала существование единого славяно-русского народа, который состоял из нескольких «племен»/«ветвей»/«народностей». Отсюда их родство мыслилась имманентно (как некое естественное явление). Украинцы в такой схеме попадали в категорию родственного «братского» русского «племени» с соответствующим названием – «малороссы»¹². Историю это «племени» важно было вписать в общерусский контекст, что и стало одной из главных задач официальных историков. Впервые история «Юго-Западной Руси» или «Западной Руси» была изложена в «научном» смысле как органическая составляющая «русской» истории в официально одобренном школьном учебнике по истории Николая Устрялова «Начертание русской истории для учебных заведений» (1839) и в его более ранних подготовительных материалах. Появление этого текста, среди прочего, следует рассматривать в разрезе общей имперской политики дезавуирования польских претензий на Правобережье и аргументирования его «русского» характера, в контексте той же «уваровской» доктрины.

Интересные генетические наблюдения изложил выходец из Закарпатья Юрий Венелин (Г. Гуца). В труде «О споре между южанами и северянами

¹⁰ *Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843* (Санкт-Петербург: В типографии Императорской Академии наук, 1864), 3–4.

¹¹ Ladis K.D. Kristof, “The Russian Image Of Russia: An Applied Study In Geopolitical Methodology”, in *Essays in Political Geography*, ed. Christian A. Fisher (London: Methuen, 1968), 350.

¹² См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* (Санкт-Петербург, 1890–1907): «Малороссы или южнорусы, – одна из трех русских народностей, превышающая, по численности, в 4 раза белорусов и уступающая в 2 1/3 раза великорусам. Русины Рутены (нем. Russinen, Ruthenen) – употребляемое преимущественно поляками и немцами название русского населения австро-венгерских земель». Статьи «Украина» и «украинцы» в этом словаре отсутствуют.

насчет их россизма» (1848) он высказал не только типичные для первой половины XIX в. представления российского и украинского образованного слоя об этническом родстве «северян» и «южан», но и о наличии определенных этнографических различий между ними. В частности, он утверждал следующее (через невыразительность тогдашней этнографической терминологии уместно процитировать на языке оригинала): «Весь русский народ, так как он есть ныне, по огромности своей (удивительная вещь!) разделился только на две ветви (между тем как другие народы распались на многие отрасли); этих ветвей иначе назвать нельзя, как только по местоположению, *северною* и *южною*, или, иначе, *северянами* и *южанами*. Главное условие разделения одного и того же огромного народа на две ветви было во взаимном, постепенном уклонении в языке. Это уклонение называется *наречием*; отсюда наречие *северное* и наречие *южное*»¹³. При этом численность ветвей определена почти равной, а учитывая потери, понесенные от внешних врагов – «южное русское племя было с лишком одною третью многочисленнее северного». Касательно правонаследования, этот автор отсылает читателя к внешним обозревателям, которые однозначно отдали первенство южанам (украинцам): «В этом споре сих *двух русских братьев* о наследстве участвовала судьей вся Европа и отчасти Азия; единодушно решено всеми народами в пользу южан. И действительно, по понятию всех народов, Русь от Карпатов простиралась только по Глухов и Витебск, а то все прочее было Московщина»¹⁴.

Одновременно в российской историографии сосуществовали подходы, достаточно отличительные от официальной линии. Среди деятелей империи первым заговорил о полном этническом и историческом отличии «малороссиян» от «русского народа» русский историк, писатель, литературный критик, журналист Николай Полевой. Так, в статье «Малороссия, ее обитатели и история» (1830)¹⁵ и некоторых других работах он придерживался мнения, что «Малороссия» никогда не была «древним наследием» России.

Также интересны рассуждения российского историка Константина Кавелина из труда «Мысли и заметки о русской истории». Хотя этот текст впервые был опубликован еще в 1866 г., официальные историки Российской империи и СССР фактически проигнорировали его. Причина тут лежит на поверхности, поскольку великороссы в его концепции предстают «младшим братом»: «[...] Мы имеем всё основание предполагать, что великорусы образовались в особую ветвь не ранее XI века. Восточная отрасль

¹³ Юрий Венелин, «О споре между южанами и северянами насчет их россизма», в *Истоки Руси и славянства*, отв. ред. Олег Платонов (Москва: Институт русской цивилизации, 2011), 791.

¹⁴ *Ibidem*, 794.

¹⁵ Николай Полевой, «Малороссия: Ее обитатели и история: Рецензия на кн.: Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. М., 1830. Ч. 1–3», *Московский телеграф* 17–18 (1830).

русского племени образовалась частью из переселенцев из Малороссии и северо-западного края на финской земле, частью из обруселых финнов [...] Обрусевшие финские племена внесли новую кровь, новые физиологические элементы в младшую ветвь русского племени [...]»¹⁶.

Интересно, что в российской историографии имперского времени при исследовании Переяславской рады и последующей инкорпорации Украины довольно широкое распространение получила своеобразная «народная» концепция. Парадоксальность интереса к народному волеизъявлению состояла в том, что в российском историописании доминировало официальное государственническое направление. Различные составляющие «народной» концепции присущи трудам С. Соловьева, Г. Карпова, П. Буцинского, М. Кояловича¹⁷. Эти исследователи склонялись к признанию того, что именно народ «Малороссии» (народные массы – рядовое казачество, мещане, крестьяне) был субъектом сближения с Москвой, горячим сторонником московского царя и противником казацкой верхушки. Гетманы и старшина, напротив, изображались как крайне ненадежная социальная среда, склонная к предательству и враждебным действиям. Такое видение, очевидно без желания самих авторов, ставило под сомнение концепт «единого русского» народа, поскольку превращало малороссию в отдельный субъект исторического процесса. И как покажем далее, этот подход послужил одним из аргументов для обоснования мифологемы «братских» народов.

Характерно, что братско-славянский дискурс был присущ и представителями украинофильского течения. В частности, он постоянно присутствовал в материалах Кирилло-Мефодиевского общества. Но тут, генетическая составляющая имела иную природу. Украинцы, русские, поляки и другие славяне мыслились как отдельные народы. Кроме того, довольно обширное и разнообразное пространство славянофильства также было живительной почвой для оформления «братской» мифологемы. Однако учитывая объем этого интеллектуального массива, следует признать неподъемность его исследования в формате статьи, поскольку данная проблема заслуживает от отдельное монографическое исследование.

Революционный период 1917–1921 гг. существенным образом изменил общественное восприятие этнонациональных реалий на пространстве бывшей Российской империи. Украинское национальное движение, хоть и не добились своей конечной цели – создания независимого государства, однако продемонстрировало такой мощный мобилизационный потенциал, что с ним

¹⁶ Константин Кавелин, «Мысли и заметки о русской истории», *Вестник Европы*, т. 2 (1866): 325–404.

¹⁷ Віктор Брехуненко, «Переяславська рада 1654 року в російській історіографії», в *Переяславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження)* (Київ: Смолоскип, 2003), 618, 623, 627–628.

не можно было не считаться. Создание квази-государственного образования УССР, с последующим вхождением в состав СССР было вынужденным шагом большевиков, которые пошли на компромисс с левой частью украинских политических сил ради сохранения своей власти. Вполне понятно, что прежний официоз о «едином русском народе» с его «малороссийским» составляющим компонентом потерял всякую актуальность. Украинцы стали реальностью не только де-факто, а и де-юре. Новая ситуация требовала конструирования новой генеалогической модели отношений между русскими и украинцами.

Рождение нового мифа. Пубертатный период

Но для переформатирования старой парадигмы, как и для всякой мифологической конструкции, крайне необходима не только ее деконструкция, а некий «разрыв» прежнего шаблона. О появлении нового дискурса свидетельствовала историографическая ситуация 1920-х гг. и в российском, и в украинском историческом «цехе».

Для раннесоветского периода было характерно, с одной стороны – распространение общего исторического нигилизма, и с другой, что особенно важно для понимания нашей темы – демонтаж прежнего исторического нарратива через отказ от великодержавной официальной доктрины и деконструкцию «традиционной схемы» имперской истории. Первостепенную роль в означенных процессах сыграл М. Покровский и представители его исторической школы. Давид Бранденбергер тонко подметил, что будучи убежденными историческими материалистами и интернационалистами, они с большим подозрением относились к «славным страницам» истории, используемым при написании национального нарратива¹⁸. При этом, Покровский отдавал предпочтение классам как решающим факторам в истории человеческих и материальных отношений и сосредоточивал внимание на широких схемах, описывающих этапы экономического развития (феодализм, торговый капитализм, империализм). Именно на основе такой упрощенной парадигмы была написана его популярная «Русская история в самом сжатом очерке». Обрисовывая *longue duree* русской истории в исключительно мрачных тонах, эта книга повествовала о шовинистической, колонизирующей нации, исполняющей волю деспотичного царского режима¹⁹. Покровский с удовлетворением писал, что теперь «мы поняли, – чуть-чуть

¹⁸ David Brandenberger, *National bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Massachusetts–London: Harvard University Press Cambridge, 2002).

¹⁹ Roman Szporiuk, “History and Russian Ethnocentrism”, in *Ethnic Russia in the USSR: the Dilemma of Dominance*, ed. Edward Allworth (New York: Pergamon, 1980), 42.

поздно – что термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой и неделимой»²⁰.

Поскольку Покровский и представители его школы жестко критиковали национальную политику царской России, как следствие, признавали существование украинцев как самостоятельного этноса (которые, однако, по их мнению, появились на исторической арене достаточно поздно, лишь с конца XVI в.) и самостоятельной украинской истории. Лидер российской исторической науки 20-х гг. XX в. также признавал «Киевскую Русь Малороссией, то есть Украиной».

В этот период украинская историческая наука не только оформилась институционально и концептуально (на основании исторической схемы М. Грушевского), но проходила достаточно успешный процесс вписывания в европейское научное пространство. Украинская историческая парадигма создавала важное интеллектуальное основание для становления украинской национальной идентичности²¹. Что в свою очередь не могло не иметь влияния и на российскую историографию, и на русскую идентичность.

Новая ситуация сложилась и в сфере официальной этнополитики. Большевистский режим, после непродолжительной внутривластной борьбы, взял курс на коренизацию. Основной задачей этой политической линии было удержание власти в национальных республиках путем привлечения местных кадров. Для обеспечения их лояльности предполагалось создать систему образования и культуры на национальных языках. Наибольшие достижения коренизации наблюдались именно в советской Украине. Кроме того, Терри Мартин обратил внимание на обратную сторону властной политики «позитивного действия» относительно поддержки национальных культур, на особенность изменения статуса этнических сообществ в раннесоветский период. Оказывается, часть партийных функционеров разделяла мнение о позитивной дискриминации русских как инструмента достижения национального консенсуса. Такие позиции, в частности, защищал Н. Бухарин на XII съезде РКП(б)²².

Однако отказ большевиков от имперского историографического и этнонационального наследия оказался непродолжительным. Достаточно оснований для того, чтобы оценить его как временную меру, некую дань доктринальным постулатам. Окончательное утверждение сталинского режима обернулось последовательной реанимацией имперского дискурса.

²⁰ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (Москва, 1930), 494–495.

²¹ Детально смотри нашу монографию: Віталій Масненко, *Історична думка та націотворення в Україні (кінець XIX–перша третина XX ст.)* (Київ–Черкаси: Відлуння-Плюс, 2001).

²² Терри Мартин, “Империя позитивного действия. Советский Союз как высшая форма империализма?”, *Ab Imperio* 2 (2002): 78–79.

В начале 1930-х годов изменилось отношение к истории и ее преподаванию в школе. Сама история с ее почитанием традиций и святых имен, с празднованием важных годовщин вернулась на передний план официальной политики как эффективный катализатор патриотических чувств советских граждан. В 1933 г. Накомпрос впервые издал учебную программу по истории и три учебника истории для средней школы. В дальнейшем вопросы дидактической истории станут объектом постоянного внимания компартийной верхушки, в том числе и персонально И. Сталина.

В 1930-е годы также произошел резкий разворот в национальной политике Кремля. Вместо интернационалистского принципа «регулирования» национальных отношений в СССР, свойственного для 1920-х гг., утверждался новый иерархический. Возводилась своеобразная пирамида народов во главе с русским, а советское государство все больше отождествлялось с дореволюционной Российской империей. В идеологическом дискурсе и общественном сознании ключевой для советской национальной политики концепт «дружбы народов» как равноправных и партнерских отношений в прошлом и настоящем вытеснялся идеей российского мессианизма. Такой курс означал ускоренную реализацию генеральной стратегии коммунистов на «слияния наций» и создание единой советской общности с единой национальной идентичностью. Курс на новую политику был озвучен лично И. Сталиным в 1930 г. на XVI съезде ВКП (б) (где он провозгласил: «Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться [...], чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком») и «закреплен» на XVII съезде, в решениях которого отсутствовало положение об «угрозе» великорусского шовинизма для национальных отношений в СССР (о котором говорилось в официальной партийной пропаганде еще в начале 1930-х гг.), зато единственной угрозой теперь считался только «местный национализм». Особая роль русского народа в «братской семье» народов СССР закреплялась и семантически – его вначале начали называть «первым среди равных» (1936 г.)²³, а затем – «великим русским народом» (1937 г.). Официальный компартийный дискурс был подхвачен историками. Одним из первых этот эпитет использовал главный редактор ведущего исторического журнала СССР Борис Волин²⁴.

Итак, новая империя, прежде всего, творила единое сообщество «советских людей», которые должны разговаривать на русском и осознавать свою принадлежность к великой стране, которую создал русский народ, и «приступил» к реализации этой исторической роли еще в далеком Московском царстве и Российской империи. Как отметил Сталин на заседании Политбюро ЦК

²³ Этот процесс был запущен большевистским официозом, газетой «Правда», в одной из статей которой в номере от 1 февраля 1936 г. русский народ назван «первым среди равных».

²⁴ См.: Борис Волин, «Великий русский народ», *Исторический журнал* 5 (1938): 1–17.

20 марта 1934 г., которое происходило в присутствии ведущих советских историков, «русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас»²⁵. Тем самым, большевистский лидер отбросил полиэтническую историю Российской империи в пользу исторического нарратива, который подчеркивал господствующее значение русского народа в строительстве государства на протяжении всей его истории. Как следствие наблюдался отказ от предыдущей линии на осуждение российского царизма за его завоевательную и колониальную политику, присущей большевистской пропаганде и официальной историографии до середины 1930-х гг. Начинается интенсивная реабилитация царизма именно за то, что «собирал» народы, которые «стонали под игом» «иноземных поработителей» и стремились быть спасенными с помощью «добровольного» присоединения к России.

Незаменимая роль в обосновании указанного поворота в национальной политике отводилась исторической политике, в том числе и ее составляющей – исторической науке. Историки должны были показать глубокую историческую укорененность (закономерность и правильность) практики межнациональных отношений в СССР и национальной политики сталинского руководства, и с этой целью присущими им методами свести (синтезировать, подчинить) национальные исторические образы и мифологемы к общероссийскому знаменателю. Эта задача, прежде всего, должна была решаться в координатах новой научной дисциплины и учебного курса «История СССР», введенного в середине 1930-х гг. в академическую науку, среднюю и высшую школу. Последняя понималась как историографическая проекция «дружбы народов Советского Союза» на всю их предыдущую историю – таким образом, демонстрировались «общность исторической судьбы» и «тесные исторические связи» народов СССР, которые должны были свидетельствовать об исторической оправданности их объединения в рамках единого унитарного государства. Кроме того, новая доктрина, по сути, повторяла царистскую схему, когда отдельные (самостоятельные) истории нерусских народов подгонялись под историю России²⁶. В дальнейшем тема «тесных исторических связей» между народами Советского Союза стала одной из ведущих в советской исторической науке. Утверждение новой исторической парадигмы сопровождалось разворачиванием полномасштабной «охоты на ведьм» – перманентными и массовыми репрессиями историков²⁷.

²⁵ Цит. за: Алексей Литвин, *Без права на мысль: Историк в эпоху Большого террора – очерк судеб* (Казань: Татарское книжное изд-во, 1994), 56.

²⁶ Яремчук, *Минуле України*, 30.

²⁷ Дж. Энтин, «Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии», *Вопросы истории* 5–6 (1995): 149–155.

Другой аспект – возвышения места России и русских в неофициальной иерархии наций и народностей СССР – получил в сталинской исторической политике в целом, и историографии в частности, значительное развитие. Официальное провозглашение «величия» русского народа в советском обществе требовало исторической аргументации, которая сводилась к официальному насаждению мысли об исключительном значении его в прошлом. В частности, уже с самого начала «История СССР» рассматривалась не как сумма равноправных составляющих – историй союзных республик, а она виделась как некий органический процесс, в котором мейстримом выступала история России. Истории нерусских народов игнорировались и подгонялись под прокрустовые рамки бывшей имперской «обычной схемы». От историков требовалось демонстрировать, что в этих исторических взаимоотношениях нерусские народы испытывали положительное влияние со стороны русских, которые, в свою очередь, оказывали бескорыстную, «братскую помощь». Так, «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. Шестакова (1937) оказался не более чем русским историческим нарративом, составленным линейно от Киевской Руси через Московское княжество и империю Романовых к Советскому Союзу. Даже В. Затонский, на то время нарком просвещения УССР, был разочарован такой исторической линией, фактически проигнорировавшей украинцев и белорусов, не говоря уже о неславянских народах СССР.

Можно согласиться с Терри Мартином, что новый принцип советского единства был представлен метафорой «дружбы народов», в которой организационная инициатива оставалась за русским народом и история которой прослеживалась на протяжении многих веков. Эта «дружба» пропагандировалась как наднациональное воображаемое сообщество для полиэтнического советского народа²⁸.

Определенная модификация «братского» мифа наблюдалась накануне и в первые годы Второй мировой войны. Смысл ее заключался во временном возрастании статуса украинского народа. Исходя из геополитических интересов, стараясь привлечь украинцев на свою сторону, власть использовала в официальном дискурсе определение «великий украинский народ»²⁹, которое до этого применялось исключительно в отношении к русскому народу. Из официальных документов эта метафора на короткое время переключалась и на страницы текстов украинских советских историков, большей мерой – популярных и пропагандистских³⁰.

²⁸ Терри Мартин, «Империя позитивного действия. Советский Союз как высшая форма империализма?», *Ab Imperio* 2 (2002): 86–87.

²⁹ Впервые эта формула появилась в письме Верховной Рады УССР Й. Сталину (см.: «Товаришу Сталіну», *Комуніст* (1939, 15 листопада): 1.

³⁰ См.: Сергій Белоусов, «Крах польської держави і з'єднання великого українського народу в єдиній Українській державі – УРСР», в *Західна Україна*, під ред. Сергія

Как уместно заметил Сергей Екельчик, этот пример сталинской семантики свидетельствовал о попытке власти привлечь украинский патриотизм для военной мобилизации. Но и при этом использовался новый имперский канон: «В государстве, где доминировала одна «великая нация», усилить национальную гордость наибольшего нерусского народа можно было, только подняв его на некоторое время к «величию» старшего русского брата»³¹.

Украинские интеллектуалы и чиновники обсуждали возможность восстановления преподавания курса украинской истории в средней школе. Массовыми тиражами выходили книги, а чаще – брошюры о славных деятелях украинского прошлого, которых раньше отождествляли скорее с «националистическим» нарративом – о Данииле Галицком и Петре Сагайдачном. В течение предвоенных лет и, особенно, в 1940–1943 гг. ученые Института истории Украины подготовили ряд обобщающих работ, в которых национально ориентированное изложение причудливо совмещено с подчеркиванием украинско-российских исторических связей. Однако эта кампания по частичной реабилитации украинской национальной истории была довольно ограниченной, кроме того она сосуществовала с последовательным развертыванием идеологии российского величия. Следовательно, еще до завершения войны, в 1944 г эксперимент был прекращен. Очевидно, политические цели Кремля уже были достигнуты. Историков и других представителей интеллигенции нерусских республик во второй половине 1944 г. начали обвинять в разжигании национализма и игнорировании «исконной дружбы» советских народов с их «старшим братом».

Идеологическая кампания 1946–1948 г. известная как «ждановщина» – по имени одного из ее вдохновителей, секретаря ЦК ВКП(б), который реализовывал кремлевский идеологический курс в первые послевоенные годы, Андрея Жданова, – завершила возвращение к жесткой и бескомпромиссной линии агрессивного русскоцентризма. Кульминацией кампании стало постановление ЦК КП(б)У «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины Академии наук УССР» (1947). Труды Института истории Украины, выпущенные как перед войной, так и в годы войны, в частности, «Краткий курс истории Украины» под редакцией С.М. Белоусова, К.Г. Гуслистого, М.Н. Петровского, М.И. Супруненко, Ф.О. Ястребова; «Очерк истории Украины» под редакцией К.Г. Гуслистого, Л.Г. Славина, Ф.О. Ястребова, первый том «Истории Украины» под редакцией М.Н. Петровского, квалифицировались как составленные в антимарксистском духе, содержащие в себе грубые ошибки и перекручивания

Белоусова і Олександра Оглобліна (Київ: Вид-во АН УРСР, 1940), 97–109; Микола Петровський, *Незламний дух великого українського народу* (Харків: Державне вид-во, 1943), 23.

³¹ Сергій Екельчик, *Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві* (Київ: Критика, 2008), 56.

буржуазно-националистического характера. Этот партийный документ подвел жирную черту под определенным «потеплением» в украинской исторической науке, установил жесткие идеологические ориентиры для историков республики, заставил их перейти к написанию такого исторического нарратива, который был бы свободным от «националистической фальсификации истории украинского народа». Собственно, в то же время, когда кремлевские идеологи и их республиканские эпигоны осуществляли акцию политического дисциплинирования украинских советских историков, завершалась разработка концепций, которые были положены в основу зрелого советского нарратива истории.

Зрелость советского мифа

Речь идет о целостной системе базовых «научных» конструкторов, которые в выразительном русском контексте описывали историю русско-украинских отношений. Такая система состояла из последовательных интерпретационных звеньев – концепции: «древнерусской народности», возникновения трех «братских» восточнославянских народов, «воссоединения Украины с Россией в 1654 г.», «совместной борьбы» эксплуатируемых «трудящихся» Украины и России против своих «угнетателей» и «иноземных поработителей» и т.д. Пиковым событием в «общей истории» русских и украинцев провозглашалась «Великая Октябрьская социалистическая революция». После победы «Октября», благодаря которой была реализована «извечная мечта» украинских трудящихся о социальном и национальном освобождении, эта «общая борьба» имела свое продолжение в «дружбе советских народов» и их совместных свершениях под «мудрым» руководством большевистской партии и русского народа.

Указанные русскоцентричные коннотации, к примеру, были четко представлены в публичной лекции, прочитанной 10 января 1947 г. в конференц-зале Министерства высшего образования СССР членом-корреспондентом Академии наук СССР А.М. Панкратовой «Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза»³². Обязательные хвалебные оды в честь русской воинской славы доминировали в политическом дискурсе УССР в первые послевоенные годы. Понятие русского превосходства постепенно трансформировало парадигму «дружбы народов» на идеологему «руководящего отношения» между «доминантной нацией» и ее «младшими братьями».

³² Доработанный и расширенный текст был опубликован как монография, выдержавшая два прижизненных издания. См.: Анна Панкратова, *Великий русский народ* (Москва: Госполитиздат, 1948); 2-е изд., (Москва: Госполитиздат, 1952), 258. Этот «канонический» труд также вышел в республиканских издательствах, в том числе и в переводе на украинский язык.

Характерно, что начавшаяся еще в предвоенное время трансформация основных определений оценок политики царской России относительно Украины, в этот период получила завершённый вид. Так, изначальная формула «наименьшего зла», постепенно вытеснялась паллиативной позицией «больше добро, нежели зло», наконец стала чисто телеологической сентенцией «единственно правильного выбора», который имел «огромное историческое значение». Ужесточались и дискурсивные практики для обозначения сути и характера Переяславской рады 1654 г. Изначально советские историки использовали различные варианты: «присоединение», «соединение», «вхождение», «воссоединение». Так, в учебнике А. Панкратовой «История СССР» (1947) Переяславские соглашения были еще квалифицированы как «соединение двух великих братских народов». Но, начиная с 1954 г., директивным способом через партийный документ, единственным каноничным обозначением становится «воссоединение» Украины с Россией (равнозначный вариант «воссоединение с братским русским народом в едином Русском государстве»). Как справедливо указывает С. Екельчик, это новое советское понятие было, всего-навсего, возобновлением концепции царских времен³³. О ремейке свидетельствует и возвращение, забытой не некоторое время, т.н. «народной» концепции. «Народ» вновь стал двигателем украинско-русского сближения, пламенным поборником присоединения Казацкой Украины к Московскому царству. Как точно подметил В. Брехуненко: «В соловьево-карповском духе все российские исследователи 50–80-х годов XX в. вели речь о решениях Переяславской рады 1654 г. как об общенародном деле»³⁴.

Удобным случаем и одновременно поводом для обнародования историко-графических предписаний в виде стройной системы партийных директив стала подготовка к празднованию 300-летнего юбилея Переяславской рады, начатая в августе 1953 г., после нескольких обращений республиканских руководителей в ЦК КПСС с инициативой такого празднования. В арсенале праздничных мероприятий видное место заняла подготовка на высоком уровне партийного документа, в котором воспевалась «вековая дружба между российским и украинским народами». Инициатива создать обширный официальный канон о украинско-российских исторических отношениях принадлежала тогдашним украинским партийным идеологам и была поддержана Кремлем. Подготовительные материалы для «Тезисов» готовили украинские историки – сотрудники Института истории АН УССР, однако к созданию текста привлекались и ведущие московские историки. Примечательный факт, что непосредственно руководил этой работой и был автором финальной версии текста «Тезисов», которая легла на стол Никите Хрущеву 5 января 1954 г. (документ был опубликован в советских

³³ Екельчик, *Імперія пам'яті*, 167.

³⁴ Брехуненко, *Переяславська рада 1654 року*, 641, 643, 645.

центральных и украинских газетах 12 января 1954 г.), выходец из Украины Андрей Лихолат. В конце 1940-х–начале 1950-х гг. он работал инструктором (в 1954–1955 гг. – заведующим) сектора общественных наук отдела науки, вузов и школ ЦК ВКП(б)/КПСС и считался ведущим экспертом по «идеологической работе» в аппарате высшего политического органа в СССР³⁵.

Следовательно, для советского времени важнейшим официальным документом, который определял исторический дискурс стали «Тезисы ЦК КПСС о 300-летия воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.)». Двадцать один тезис партийного канона впервые подавал не только обобщенное, но и подробное изложение всего хода истории Украины – как его понимали в то время кремлевские идеологи. Этот директивный документ по определению не нуждался в аргументации фактами. Ведущая его идея – утверждение об исключительной роли, «огромном значении дружбы с великим русским народом», «непреоборимой силе братского союза» на всех этапах украинского прошлого, логично дополнена положением о появлении «на исторической арене» «революционнейшего в мире русского пролетариата и его боевого авангарда – Коммунистической партии», что «имело решающее значение для дальнейшего развития русского, украинского и всех других народов России».

Примечательно, что в самом начале документа наталкиваемся на нечеткий отголосок прежней формулы про высокий статус украинского народа в советской этнической иерархии: «Воссоединение имело огромное значение для дальнейшего исторического развития *двух великих народов* [...]». Далее упоминается история «*двух великих братских славянских народов* – русского и украинского»³⁶. Казалось бы, речь идет о равных субъектах исторического процесса, но дальнейшее изложение сводится к тому, что «великим» на всех этапах истории остается только русский народ, он же и выступает движущей силой истории.

Суть партийного документа фактически сводилась к нескольким основным положениям: «Русский, украинский и белорусский народы ведут свое происхождение от единого корня – древнерусской народности, создавшей древнерусское государство – Киевскую Русь»; «Борясь за национальное освобождение, украинский народ стремился к воссоединению с русским народом», его опорой в этой борьбе стала Русское централизованное государство и старший брат – великий русский народ, Переяславская рада – акт, который воссоединил Украину с Россией и это «имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов»; в результате их совместной

³⁵ Яремчук, *Минуле України*, 158–159.

³⁶ *Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.)*. Одобрены ЦК КПСС (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1954), 3–5.

революционной борьбы была создана Украинская Советская Социалистическая Республика – «действительно свободная, суверенное национальное государство [...]»³⁷.

«Тезисы» предлагали смотреть на ход украинской истории с позиции «тесных исторических связей украинского народа с великим русским народом», а не с точки зрения социально-экономического развития и «классовой борьбы», как должно было бы быть в соответствии с марксистской интерпретацией истории (показательно, что сам термин «классовая борьба» в документе представлен, как правило, в скрытом виде – «антифеодальная борьба» и т.д.). Можно согласиться с мыслью С. Величенко о том, что этот партийный документ демонстрирует «немарксистский подход к роли этнического родства и идентичности как исторической силы», поскольку историки должны были интерпретировать украинскую историю не с позиций социально-экономического развития и классовой борьбы, а исходя из украинских отношений с Россией³⁸.

Однако в тексте содержались определенные уступки национальному прочтению украинской истории. Речь идет о роли казачества и Запорожской Сечи, и о скупом, но выразительном фрагменте о «процессе создания украинской государственности» в период «освободительной войны 1648–1654 г.». Несмотря на провозглашенную в «Тезисах» идею о политическом поглощении Россией Украины, эти идеи позволяли украинским советским историкам ставить вопрос о том, что в XVII–XVIII вв. в Украине сохранялось политическое самоуправление.

Важным фактором и залогом дальнейшего успешного развития украинского народа ЦК КПСС считал прежде всего крепкий союз, взаимную помощь и дружбе с «братским русским народом». Эти тезисы стали еще одним шагом на пути теоретического обоснования постепенного сближения, а затем и слияния наций СССР в единое русскоязычное и русско-культурное целое. Для реализации этих идей путем манипулирования сознанием советских граждан массовыми тиражами выходят агитационные брошюры, стилизованные под академические издания³⁹. Характерно, что «братские узы» украинцев и русских получили причудливую интерпретацию в советских пропагандистских плакатах того времени. Тут они одновременно представлены в феминных и маскулинных образах, как «сестры», так и «братья».

³⁷ *Ibidem*, 5–7.

³⁸ Velychenko, *Shaping identity*, 59.

³⁹ См.: Игорь Греков, Владимир Королюк, Илья Миллер, *Воссоединение Украины с Россией в 1654 г.* (Москва: Госполитиздат, 1954), 112; Иван Бойко, Владимир Голобуцкий, Кость Гуслистый, *Воссоединение Украины с Россией*, (Москва: Изд-во АН СССР, 1954), 112.

Рис. 1–2. «Мягкий» женский вариант с сестрами актуализован символикой союзных республик – РСФСР и УССР (рис. 1), а «жесткий» мужской – отсылает к стереотипным «историческим образам» московского стрельца и украинского казака (рис. 2)

Телеологическую сущность таких подходов удачно подытожил И. Лысяк-Рудницкий: «[...] Это концепция наперед определенного единства судьбы украинского и русского народов, которая берет начало с общих традиций Киевской Руси и проходит сквозь все исторические эпохи, с Переяславской радой как кульминацией и символическим событием»⁴⁰. И хотя, советский режим и признавал существование отдельной украинской национальности, она была поставлена в такие идеологические и политические рамки в которых «суждено вечно играть роль младшего брата и сообщника России, что мало чем отличается от предреволюционной Малороссии – племенного ответвления единой российской нации»⁴¹.

В конце 50-х–вначале 60-х гг., на волне непоследовательной десталинизации, наблюдалась временная либерализация официальной интерпретации исторических отношений России и нерусских народов. Так, на беспрецедентном за статусом и количеством участников «Всесоюзном совещании о мерах

⁴⁰ Иван Лысяк-Рудницкий, «Переяслав: історія і міф», в Його ж, *Історичні есе*, т. 1 (Київ: Основи, 1994), 80.

⁴¹ *Ibidem*, 81.

улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам», которое проходило 18–21 декабря 1962 г. в Москве обращалось внимание на необходимость избегать исключительно позитивных характеристик политики царской и имперской России в национальном вопросе. Разрешалось указывать на реакционные мотивы царских «присоединений», было позволено критиковать «тюрьму народов». Русский народ уже не назывался «великим». Определенное ослабление его эксклюзивности отобработано и в «Рекомендациях» совещания, в которых было сформулировано основное задание советских историков – «раскрытие глубоких корней дружбы народов Советского социалистического государства». Для этого предлагалось «усилить внимание на изучение исторических связей народов Советского Союза, ныне скрепленных узлами нерушимой дружбы и братства»⁴².

Для позднесоветской историографии характерны ритуальные экспликации «братской» мифологемы. Как правило, они выдержаны в тональности тезисов ЦК и относились к достаточно широкой проблематике – начиная с Древней Руси и завершая послевоенным периодом. Так авторы академического очерка советской историографии Киевской Руси были убеждены в том, что «важнейшим достижением советской историографии является утверждение и развитие тезиса, согласно которому Киевская Русь была колыбелью всех трех братских восточнославянских народов – русского, украинского и белорусского»⁴³.

Своеобразным знаковым изданием для понимания нашей проблемы стал академический труд авторства В. Пашуто, Б. Флори и А. Хорошкевич «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (1982). Тут в концентрированном виде представлены все составляющие элементы «братского» мифа: о Древней Руси как «колыбели трех братских народов», о древнерусском наследии как предпосылке для их «воссоединения», в котором решающая роль принадлежала централизованному Российскому государству, о преемственности языка, территории, социальной структуры, культуры, изначальном стремлении украинцев и белорусов к «воссоединению» с Россией, о «братском единстве» на всех этапах средневековой и раннемодерной истории⁴⁴.

Украинская советская историография на финишной фазе своего существования имела вид сплошного дубликата общесоюзного «братского» дискурса⁴⁵. Можно согласиться с В. Кравченко, что ее официальный канон

⁴² *Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г.* (Москва: Наука, 1964), 507.

⁴³ *Советская историография Киевской Руси* (Ленинград: «Наука» ленинградское отделение, 1978), 11–12.

⁴⁴ Владимир Пашуто, Борис Флоря, Анна Хорошкевич, *Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства* (Москва: Изд-во «Наука», 1982), 264.

⁴⁵ *Історія Української РСР: Короткий нарис* (Київ: Наук. думка, 1981), 526; *Дружба и братство русского и украинского народов: В 2 т., редкол.: Юрий Кондуфор (отв. ред.) и др.* (Киев: Наукова думка, 1982), т. 1, 480; т. 2, 472.

подчинялся «главной, телеологической в своей основе идее о единстве с Россией как основной, определяющей черте исторического развития Украины»⁴⁶.

Смысловая нагрузка «братского» конструкта включала следующие элементы. Бесспорным основанием для конструирования «родственных» отношений между русскими и украинцами была генеалогическая легенда об общем предке. В советском официальном дискурсе таковым считалась – «древнерусская народность». Эта метафорическая формула подавалась как аксиоматическая, такая, что не требовала доказательств или объяснений. Больше того, «древнерусская народность» мыслилась как некое вневременное явление, по крайней мере, советские историки не интересовались временными рамками распада этой общности. Зато темпоральность украинского этноса минимизировалась и искусственно модернизировалась. Украинцы в «братской» мифологеме имели характерные черты «младшего», «меньшего» родича. При этом, им приписывались явно виктимные черты. Украинский народ изображался как «жертва» насилия, эксплуатации со стороны внешних «врагов» – литовских феодалов, польской шляхты, католической церкви, татарских мурз, «белополяков» и т.д. Следствием такого насилия стало то, что украинцы частично потеряли первоначальные этнические признаки (те, которые были общими с русскими). Кроме того, украинцы всячески страдали и от злоупотреблений местных высших слоев: своих феодалов, гетманов-«предателей», «буржуазных националистов», «пособников фашистов». Важной составляющей «братского» мифа было сомнение о субъектности украинцев. Им приписывалось некое иррациональное стремление к сближению (объединению, слиянию) с русским народом. Россия же рассматривалась как единственное спасение для украинцев. Только вместе с русским народом они могли избавиться от иноземных поработителей и местных эксплуататоров, и обрести счастливое будущее в «братской семье» народов.

Интересно, что советских историков не смущало то обстоятельство, что описанная конструкция очень существенно отличалась от официальной методологической доктрины – исторического материализма, в рамках которого определяющими маркерами была смена общественно-экономических формаций в координатах «классовой борьбы», а не генеалогические изыскания. В связи с этим, известный исследователь советской истории А. Авторханов в своем труде «Империя Кремля. Советский тип колониализма» отмечал «трогательное единодушие» советских историков с «крайне реакционными идеологами царизма, такими, как Магницкий, Уваров, Катков, Победоносцев, Иловайский» в вопросах, которые касались истории Украины. Как следствие: «Свободное украинское общество, которое,

---

⁴⁶ Владимир Кравченко, «Украина, империя, Россия... (обзор современной украинской историографии)», в *Западные окраины Российской империи* (Москва: Новое литературное обозрение, 2007), 467.

согласно богато документированным исследованиям академика Грушевского, не знало ни феодалов-крепостников, ни буржуазных хищников и никак не укладывалось в плоскую схему марксистов о классовой борьбе, было задушено солдафонским сапогом «старшего брата»-колонизатора»⁴⁷.

Идеология «воссоединения восточного славянства» тотально насаждалась во всех сферах общественно-политической, культурной и духовной жизни. Это была ширма, многоплановая пропагандистская кампания, направленная на дальнейшее умаление места и роли украинского народа, умаление и извращение его истории, а в итоге, на его окончательную денационализацию и ассимиляцию.

Не был ли этот шаг, по сути, реставрацией ее дореволюционной версии? Действительно, русский народ уже провозглашен «ведущей силой всех народов СССР», компартия требовала теоретического усиления курса на слияние наций и создание единой советской нации. Поэтому вполне логично и закономерно, что на смену временному тезису о «вечной дружбе двух братских народов» должен был вернуться к жизни тезис о «единстве русского народа», о «триедином русском народе». «Сегодня такое постановление дела уже невозможно» – писал еще в середине 1950-х гг. Иван Лысяк-Рудницкий, исходя из объективных обстоятельств и закономерностей исторического развития, факта формирования украинской нации⁴⁸. Но советское партийно-государственное руководство не учитывало и не считалось с этнополитическими реалиями, историческими фактами и ходом исторического процесса. Победоносное завершение Второй мировой войны создало новые условия и возможности для укрепления советской империи, и власть использовала, реанимируя старые, выверенные временем, но в новых условиях косметически приукрашенные идейно-теоретические конструкции. Так, очевидно, произошло и с мифом «братских народов».

Постсоветский (старческий?) период

В постсоветский период «братская» мифологема стала объектом частичной деконструкции, обусловленной общим процессом концептуального обновления российской историографии. Об этом свидетельствовало внимание исследователей различных направлений к указанной проблематике во время проведения нескольких научных форумов. В частности – международной конференции «Украина–Россия: диалог историографий» (август 2002 г.,

⁴⁷ Абдурахман Авторханов, *Империя Кремля: Советский тип колониализма* (Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988).

⁴⁸ Иван Лысяк-Рудницкий, «Новий Переяслав», в Його ж, *Історичні есе*, т. 2 (Київ: Основи, 1994), 301.

Чернигов); российской-украинской научной конференции «Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV–XXI вв.» (март 2007 г., Москва); «круглого стола» «Украина и Россия: общность и особенности цивилизационных процессов в исторической перспективе» (ноябрь 2006 г., Москва), проведенного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; конференции «Историческая память: люди и эпохи» (ноябрь 2010 г., Москва) и др. Для осмысления нашей темы значительный интерес представляет сборник научных трудов по материалам конференции 2007 г. «Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии», под редакцией Е.Ю. Борисенко. Сборник посвящен ретроспективному анализу взаимного восприятия русских и украинцев, формированию и функционированию стереотипов и образов, пропагандистских клише и мифов в русско-украинских отношениях с включением как собственно исторической, так и историко-культурной, лингвистической, культурологической, литературоведческой проблематики⁴⁹.

При проведении исследований в рамках проекта «Украина и Россия во взаимном общении и восприятии: украинцы про Россию и россиян. Россияне про Украину и украинцев» предпринимались попытки переосмыслить изменения исторических реалий и их отображения в интеллектуальной традиции. В частности Е. Борисенко обратила внимание на то, что русское общественное сознание в начале XX в. «переживало специфическую травму, вызванную, происходившим распадом общерусской идентичности». «Малороссы, не воспринимающиеся ранее в массовом сознании как отдельный национальный организм, на глазах превращались в украинцев, отвергших концепцию триединой нации»⁵⁰. Некую компромиссную модификацию этно-географических наименований предложила А. Хорошкевич. По ее мнению, украинская и белорусская народности, наряду с великорусской, в XVII в. составляли комплекс трех народностей, восходящих к «древнерусской»⁵¹.

Как следствие, формула «братских народов» постепенно исчезает из академических тестов. Так, Л. Заборовский, по крайней мере, на словах,

⁴⁹ Елена Левкиевская, «Стереотип украинца в русском сознании», в *Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии*, отв. ред. Е.Ю. Борисенко (Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 2008), 154–178; Мария Лескинен, «Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX века. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа», в *Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии* (Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 2008).

⁵⁰ *Русские об Украине и украинцах*, за ред. Елены Борисенко (Санкт-Петербург: Алетей, 2012), 7.

⁵¹ Анна Хорошкевич, «В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века», в *Русские об Украине и украинцах*, 9.

соглашается с критикой современных украинских историков прежнего официально принятого взгляда о стремлении к воссоединению со «старшим братом», как главной пружине планов и действий казачества и его руководства с самого начала восстания во главе с Б. Хмельницким⁵². Но для части исследователей эта концепция остается еще востребованной, хотя и в несколько модифицированном виде. Так, В. Артамонов убеждает своих читателей: «К моменту Переяславской Рады, на спаде Освободительной войны, украинский народ четко осознавал преимущества «федеративной связи» с единоверным и единоплеменным русским народом»⁵³.

Одновременно, как это и не удивительно, «братская» мифологема теряет свои позиции и в публичной сфере, публицистике и массовой исторической памяти. Последнее отчасти объясняется, не менее парадоксальным, возвращением к дореволюционной мифологеме «единого народа». Примеров такой интеллектуальной инверсии множество. Так в критической рецензии на книгу Сергея Белякова «Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя» (Москва, 2016) Александр Ефремов утверждает, что «различия между двумя частями большого русского народа во многом обусловлены многовековым инородным и инославным правлением на землях западной Руси. С воссоединением большой и малой частей (?) России начался довольно быстрый процесс их микширования, катастрофически прерванный большевистской революцией»⁵⁴.

Своеобразным образом «братская» мифологема влияет и на современное интеллектуальное пространство Украины. В частности, Микола Рябчук обратил внимание на ее трансформацию в специфичный «креольский миф» об Украине как о «колыбели двух братских народов», русского и украинского, которые якобы оба являются в Украине одинаково «коренными» – со всеми правовыми, языково-культурными и иными последствиями, которые из этого вытекают⁵⁵.

На модификацию общественных представлений о характере отношений между русскими и украинцами существенно воздействует и геополитический фактор, в особенности, постоянно усиливающиеся великодержавные устремления российской политической элиты. Достаточно показательны в этом отношении высказывания об Украине еще «допомаранчевого периода»

---

⁵² Лев Заборовский, «Переяславская Рада и Московские соглашения 1654 г.: проблемы исследования», в *Россия–Украина: история взаимоотношений* (Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997).

⁵³ Владимир Артамонов, «Позиции гетманской власти и России на Украине в конце XVII–начале XVIII века», в *Россия–Украина*, 91.

⁵⁴ Александр Ефремов, «Тени окраин», в *Русский европеец* (19.06.2017), <http://rueuro.ru/item/47-teni-okrain>, доступ: 11 VII 2018.

⁵⁵ Микола Рябчук, «Імперський виклик, націоналістична відповідь: протистояння двох міфологій», *Дух і Літера* 3–4 (1998): 160.

известного своими имперскими убеждениями К. Затулина: «Не «братское славянское государство», а политически наивысшим образом организованная бандеровщина – вот что за птенец вылупился на наших глазах из Украинской Советской Социалистической Республики. [...] А бандеровец – не брат русскому»⁵⁶. В условиях же нынешней российско-украинской войны российская пропаганда, особенно ее наиболее действенный телевизионный ресурс, работает над реализацией глобальной психологической операции в рамках которой пытается заместить советскую модель «народов-братьев» более современным конструктом «хунта-каратели-бандеровцы». Однако предыдущая мифологема проявляет заметную устойчивость и живучесть, даже в дискурсе актеров кремлевской официальной политики, поскольку особенность такой манипуляции заключается в попытке разграничить, по известному имперскому принципу «разделяй и властвуй» – «плохих украинцев» (бандеровцев) и «хороших украинцев» (малороссов). Последним в рамках такой схемы отведена роль тех же «меньших братьев», которые нуждаются в «братской» российской «помощи», включая и военную.

Выводы

Имперская мифологема «братских народов» действительно оказалась той идеальной моделью с помощью которой, советская/российская историография пыталась интерпретировать русско-украинские отношения в обозримой исторической ретроспективе. Преимущества такой конструкции были налицо, поскольку она позволяла одновременно решать несколько фундаментальных задач, кои создавали остов всего имперского гранд-нарратива. Провозглашая украинцев братьями можно было беспрепятственно присваивать их историческое наследие (особенно интересным тут был период Древней Руси), тем самым конструируя свою историю как более древнюю и респектабельную. Важным аспектом тут также было ментальное картографирование – этнические украинские земли, как исторические, так и современные, автоматически включались в имперское пространство и вписывались в имперский дискурс. При этом, внешнее маркирование территориальных претензий не играло существенной роли. Разновременные формулы – «исконно русских земель», «наследия православного царя», «территории пролетарской революции», или «русского мира» должны были легитимизировать агрессивную экспансионистскую политику, начиная от Московского княжества и заканчивая современной Россией. Одновременно, навязывая украинцам статус «младших братьев» можно было нивелировать

⁵⁶ Константин Затулин, «Российско-украинский договор: обман века», в *Персональный сайт* (26.01.1999), <https://zatulin.ru/rossijsko-ukrainskij-dogovor-obman-veka/>, доступ: 11 VII 2018.

отдельный от российского исторический процесс, превращая их в т.н. «неисторический народ», пригодный к существованию только в рамках российского государства (Московского царства, Российской империи, СССР, современной России).

Кроме историографического измерения «братская» мифологема являлась достаточно действенным инструментом для политических манипуляций, направленных на социальную мобилизацию украинцев (собственно и русских) для потребностей империи.

Учитывая продолжительное время функционирования «братской» мифологемы, она не могла не претерпевать определенных изменений. Выделенные в статье этапы позволяют говорить, по крайней мере, о неоднократной трансформации семантики этой конструкции. Если изначально «родственные связи» мыслились с наибольшим индексом генетической составляющей (как «родственные племена» одного «народа»), то со временем этот индекс постепенно ослабевает, уступая позиции конфессиональной и верноподданнической составляющих. В советское время произошел возврат, модифицированный ремейк «кровнородственных» связей, но теперь уже как самостоятельных, но «братских» народов. В позднесоветский период, как и в имперский, снова наблюдался процесс девальвации генетической составляющей. Указанная конструкция использовалась большей мерой как чистая метафора, при этом размывались границы между «братством» и «дружбой» советских народов, тем более все они, по замыслу кремлевских лидеров, должны были «слиться» в одно историческое сообщество – «советский народ».

Наблюдалась также неравноправность контрагентов «братской» конструкции. Она изначально формировалась как нестабильная, неуравновешенная система, состоявшая из доминирующей и подчиненной составляющих – «старшего» и «младшего» «братьев». При чем «меньшинство» определялось не столь темпорально, а вследствие некой «ущербности» одного из них – украинцев, которые, по мнению великодержавных адептов, частично утратили первоначальные «русские» черты под «тлетворным» воздействием Запада. Русские, напротив, сохранили свои естественные черты. Кроме того, именно они определяли основоположный вектор политического, социально и культурного развития в огромном геополитическом регионе. Такая конструкция первоначально предполагала, что украинский исторический опыт может быть лишь повторением исторического пути пройденного «братским» русским народом. Исходя из этого, украинцы неизменно должны были стремиться к союзу со своим «старшим братом». При чем такая «братская любовь» априори не требовала рациональной мотивации, какого либо объяснения или детерминированности.

В заключении важно отметить, что мифологема «братских народов» относительно исторической ретроспекции отношений русских и украинцев в советской/российской историографии сыграла роль некой

объединительной «матрицы», на основе которой создавались иные сопутствующие мифы – «древнерусской народности», «воссоединения Украины с Россией» и т.д.

Vitalii Masnenko

Mythologem of “fraternal nations” as the ideal model of Russian-Ukrainian relations in the Soviet/Russian historiography

Summary

The article focuses on the historical myth of the common national sources of Russians and Ukrainians ('brotherhood') as one of the mechanisms for conceptualizing Soviet/Russian historiography. Particular attention is paid to the socio-political context of constructing a historical narrative, suitable for the formation of various identities, both national and imperial. The advantages of this construction were obvious, because it was allowed simultaneously to solve several fundamental problems for the creation of the imperial grand-narrative. Proclaiming the Ukrainians as brothers they could without difficulty appropriate their historical heritage. By mental mapping the ethnic Ukrainian lands were included into the imperial space and inserted into the imperial discourse. At the same time, by imposing the status of 'younger brothers' one could level out a separate from the Russian the Ukrainian historical process, turning Ukrainians into 'non-historical' nation. In addition to the historiographical dimension, the 'brotherly' mythologem was a sufficiently effective tool for social mobilization, of both Ukrainians and Russians, for the needs of the empire.

The stages pointed out in the article make it possible to talk about the repeated transformation of the semantics of this construction. Initially, 'family ties' were conceived with the largest index of the genetic component – as 'related tribes' of one 'nation'. Over time, this index is gradually weakening, yielding to the positions of confessional and loyal subjects. In Soviet times, there was a modified remake of 'kinship' ties, but now as independent, but 'fraternal' nations. During the late Soviet period, such as in the imperial period, the devaluation of the genetic component is again observed. There is also an inequality in the counterparties of the 'brotherly' construction. It was initially formed as an unstable, unbalanced system, consisting of the dominant and subordinate components – 'senior' and 'younger' 'brothers'. Ukrainian historical experience was conceived only as a repetition of the historical path traversed by the «fraternal» Russians. And the Ukrainians, constantly had to strive for an alliance with their 'elder brother'.